

И. Е. Печёнкин

<http://orcid.org/0000-0002-8000-7792>

✉ pech_archistory@mail.ru

Российский государственный
гуманитарный университет
(Россия, Москва)

«СТАЛИНСКАЯ АРХИТЕКТУРА» В ЗЕРКАЛЕ ТЕКУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЧТИ ВЕК СПУСТЯ

Аннотация. В статье предпринят обзор актуального состояния научного знания о советской архитектуре 1930–1950-х годов, маркированной в общественном сознании как «сталинская», в частности, с намеком на то, что ее подлинным генеральным автором выступал советский диктатор. В рамках одной статьи невозможно осветить все многообразие проблем, связанных с изучением феномена «сталинской архитектуры», поэтому автор сфокусировал внимание на наиболее значимых исследовательских трендах. К таковым относится в первую очередь поиск адекватной терминологии, которая позволила бы уйти от излишней публицистичности (присутствующей, например, в популярном словосочетании *сталинский ампи́р*), отразила бы внутреннюю динамику архитектурного процесса в рамках двух десятилетий и обозначила бы место советской архитектуры в глобальном контексте (прежде всего западном). С точки зрения методологии, по-прежнему превалирует эмпирический подход, фактически продолжается стадия выявления и систематизации материала. При этом существенно возрастает значение микроисторических и биографических штудий, посвященных отдельным регионам и персоналиям. В числе факторов, негативно влияющих на исследовательский процесс, стоит отметить тенденцию к политизации и реидеологизации историко-архитектурного дискурса.

Ключевые слова: XX в., 1930-е, 1940-е, 1950-е, СССР, архитектура, историография, дискуссия о терминах, Давид Аркин, Борис Иофан, Алексей Щусев, Иван Жолтовский

Для цитирования: Печёнкин И. Е. «Сталинская архитектура» в зеркале текущих исследований почти век спустя // Шаги/Steps. Т. 11. № 2. 2025. С. 224–243. EDN: WLGIQN.

Поступило 8 июля 2024 г.; принято 3 апреля 2025 г.

I. E. Pechenkin

<http://orcid.org/0000-0002-8000-7792>

✉ pech_archistory@mail.ru

*Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

“STALINIST ARCHITECTURE”: REFLECTED IN MODERN RESEARCH ALMOST A HUNDRED YEARS LATER

Abstract. The article provides a review of up-to-date academic knowledge of Soviet architecture of the 1930s–1950s, usually labeled in public discourse as *Stalinist*, as if the Soviet dictator was in fact its true supreme author. Of course, it is impossible to cover in one article the whole variety of problems associated with the study of the phenomenon of Stalinist architecture. For this reason, the author’s attention is focused on the most significant research trends. First of all, these include the search for the most appropriate terminology that would allow one to avoid excessive journalisticism (like the popular phrase “Stalinist Empire style”), would reflect the internal dynamics of the architectural process over the course of two decades, and would designate the place of Soviet architecture in the global context (primarily the Western one). From the point of view of methodology, the empirical approach still prevails, and the stage of identifying and systematizing the material is actually continuing. At the same time, the importance of micro-historical and biographical studies dedicated to specific regions and particular personalities is significantly increasing. Among a number of factors that negatively affect the research process, it is necessary to note the tendency towards politicization and re-ideologization of academic discourse in architectural history.

Keywords: 20th century, 1930s, 1940s, 1950s, USSR, architecture, historiography, discussion of terminologies, David Arkin, Boris Iofan, Alexey Shchusev, Ivan Zholtovsky

To cite this article: Pechenkin, I. E. (2025). “Stalinist architecture”: Reflected in modern research almost a hundred years later. *Shagi / Steps*, 11(2), 224–243. EDN: WLGIQN. (In Russian).

Received July 8, 2024; accepted April 3, 2025

Предварительные замечания

Втеперь довольно далекие 2000-е годы архитектурный критик Григорий Ревзин емко сформулировал несколько возможных в постсоветских условиях позиций по отношению к архитектуре сталинского времени:

Во-первых, внешне объективистская советская <...> — так написан любой учебник советской литературы, так написаны все книги про сталинских архитекторов и все истории сталинской архитектуры. Во-вторых, страстно антисоветская, в рамках которой все, созданное в советское время, заражено чумой. В-третьих, отстраненно-структуралистская, когда весь материал рассматривается как репрезентация мифа. В-четвертых, агиографически антисоветская, в которой те или иные деятели культуры рассматриваются как героически противостоящие советской власти трагические жертвы истории [Ревзин 2008: 187].

Думается, что эта раскладка не утратила актуальности и сегодня, хотя за два десятилетия изменилось многое: ушли из жизни мэтры советского архитектуроведения, поблекли важные в прошлом идеи, утратили значимость некоторые государственные научные институты¹. Попытки выстраивания альтернативной, не завязанной на бюджетное финансирование инфраструктуры науки об архитектуре в целом успеха не достигли, примером чему служит судьба журнала «Проект Классика» (2001–2009), со страниц которого позаимствована приведенная выше цитата.

Можно считать парадоксальным то, что исследования архитектуры сталинских десятилетий, т. е. времени, когда это искусство превратилось в инструмент внутренней политики и служило государственной монополии, в начале XXI в. фактически оказались делом частной инициативы. Несмотря на различия в судьбах государств постсоветского пространства, эта особенность является для них общей. В условиях, когда едва ли не главным мотивом исследований становится личный энтузиазм, существенная роль в них начинает принадлежать не профессиональным архитектуроведам, а любителям локальной истории, которые очень добросовестно каталогизируют фактуру конкретного места, работая с периодикой и архивами ([Ерофалов-Пилипчак 2010; Широчин 2020] и др.). Кроме того, выпадение истории архитектуры из обоймы официальных дисциплин создало предпосылки для ревизии наработанного предшественни-

¹ Речь идет в первую очередь о судьбе профильного НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства, учрежденного в 1944 г. в системе Академии архитектуры СССР для теоретического сопровождения и информационного обеспечения советской архитектурной практики. В 2014 г. он был лишен юридического лица и понижен до ранга филиала Центрального научно-исследовательского и проектного института (ЦНИИП) Минстроя России, а в 2021 г. фактически растворился в этом учреждении, потеряв не только помещение, но и солидную часть научных сотрудников, многие из которых как раз занимались исследованиями советского материала.

ками и в конце концов открыло дорогу молодым исследователям в обход заскорузлых академических иерархий и карьерных лифтов.

Сказанное не отрицает значения этой базы². В частности, трудов Селима Хан-Магомедова, который начал свой путь, открыв большинству глаза на наследие архитектурного авангарда, а увенчал его двумя неожиданными для него книгами — об Иване Жолтовском и Иване Фомине [Хан-Магомедов 2010a; 2011], т. е. о мастерах, олицетворяющих живучесть классики в советской архитектуре. Мотивом обращения Хан-Магомедова к этим фигурам стала выдвинутая им теория двух «суперстилей», основанных соответственно на классической традиции (ордере) и на формально-пластических достижениях левого искусства вкупе с новейшей техникой [Хан-Магомедов 2010b: 11]. Эта теория как будто примиряла между собой неоклассиков (вроде того же Жолтовского) и модернистов (вроде Моисея Гинзбурга или Виктора Веснина), так что сам Хан-Магомедов писал о «диалоге двух универсальных систем» [Хан-Магомедов 2010a: 15]. Принципиальная бесконфликтность этой теории позволяет оценить ее как порождение советского архитектуроведения, ощутило пережившего советскую эпоху. Здесь присутствовала та самая «объективистская» оптика, о которой упоминал Григорий Ревзин: стремление скруглить углы, нивелировать перепады, что достижимо лишь на уровне макроистории, с которого практически не видны частности и детали. Как мы увидим, такой подход к советскому материалу отнюдь не ушел в прошлое, но приобрел черты гротеска.

Гораздо важнее то, что Хан-Магомедовым была эскизно намечена стратегия изучения архитектуры сталинской эпохи. В список приоритетных тем вошли школы Фомина, Жолтовского и Иофана, московское метро и высотки, ВСХВ 1939 г. и ВДНХ 1954-го, архитектура каналов Москва — Волга и Волга — Дон. На первое место исследователь поставил *постконструктивизм*, обозначив так временной отрезок первой половины — середины 1930-х годов, когда шло «умеренное “обогащение” внешнего облика зданий, преодоление “излишнего аскетизма” архитектуры» в стремлении прийти к неоклассике «через опыт авангарда» [Хан-Магомедов 1996: 639]. В обиходе же термин, образованный по аналогии с многочисленными «-измами» первой половины прошлого века, широко применяется для маркирования построек с точки зрения стиля. На этом примере хорошо видна неустойчивость дефиниций, связанных с интересующим нас периодом истории архитектуры.

² Ввиду ограниченности объема статьи в ней невозможно представить сколько-нибудь полную историографию советской архитектуры и градостроительства 1930–1950-х годов и даже указать работы исследователей, писавших об этом периоде во второй половине — конце прошлого века. Разумеется, сложно переоценить вклад в становление этого раздела архитектуроведения таких специалистов, как В. Э. Хазанова, А. А. Стригалёв, М. И. Астафьева-Длугач, Ю. С. Яралов и др.

Терминология и идеология

Начать стоит с того, что у советской архитектуры 1930–1950-х годов отсутствует имя, но при этом существует ряд псевдонимов, отражающих разброс мнений в отношении не столько памятников, сколько самого исторического периода. Самое популярное «прозвище» — *сталинский ампи́р*; его многие признают вопиюще неточным (хотя бы ввиду очевидных различий между стилем довоенной и послевоенной архитектуры), но именно так называлась вполне академическая конференция, прошедшая в Москве осенью 2007 г. Материалы ее спустя несколько лет были опубликованы в сборнике с более нейтральным заглавием, но одиозное сочетание слов сохранилось в названиях некоторых статей. На правах составителя издания Юлия Косенкова не только подчеркнула несовершенство термина, бессильного охватить столь сложное и эклектичное явление, но и предположила принципиальную бессмысленность спора об именах, призвав перенести внимание на «то мощное творческое начало, которое, несомненно, пробивалось на свет, несмотря на многочисленные запреты, ограничения и противоречивые требования» [Косенкова 2010: 7–8].

Однако игнорировать вопрос о терминах согласны далеко не все. Примечательным случаем искусствоведческого нейминга является *стиль Победа*, придуманный Татьяной Астраханцевой в период знаменательных перемен политической повестки в России и инструментализации памяти о войне. Во вступительной статье к альбому-каталогу выставки «Победа. Стиль эпохи», состоявшейся в 2010 г. в Центральном музее Великой Отечественной войны, Астраханцевой полноценно раскрыты идеологические коннотации ее изобретения:

После 9 мая 1945 года на короткий отрезок времени была создана особая художественная ситуация, когда сложились воедино условия, определяющие появление полноценного, т. е. со всеми сопутствующими атрибутами, исторического стиля: беспрецедентный национальный подъем, некое согласие относительно основных мировоззренческих понятий (чего, например, так не хватает сейчас), масштабная государственная поддержка искусства, внятный и избирательный госзаказ [Астраханцева 2010: 9].

Концепция Астраханцевой была принята на вооружение Российской академией художеств (РАХ), где в 2021 г. состоялась большая конференция под названием «Победа — стиль эпохи. Академический взгляд» [Астраханцева 2023]. Взгляд этот в числе прочего предполагает веру в то, что «однажды явленный и безусловно состоявшийся, этот стиль поможет сформулировать Стиль Победы дня сегодняшнего — став частью культурной и идеологической политики государства в еще один переломный момент нашей истории» [Презентация 2024]. Но подобные идеологические интервенции в сферу науки не вносят искомой ясности. Так, «стиль Победа» в одном месте описан Астраханцевой «как апофеоз самобытно-

го “сталинского ампира”» [Астраханцева 2010: 9]³. Это хороший пример объяснения непонятного через непонятное.

Одним из «триггеров» дискуссии об архитектуре сталинского времени служит вопрос о *советском ар-деко*⁴. Несомненно, в ряду причин можно назвать глобальную популярность этого стиля в настоящее время, но в отечественном контексте значение получила не только репутация ар-деко как воплощения хорошего буржуазного вкуса. Возвращаясь к началу статьи, можно сказать, что ретроспективное ассоциирование советской архитектуры 1930-х годов с французским и американским ар-деко действительно противостоит «страстно антисоветской», по словам Григория Ревзина, тенденции описания и оценки советской архитектуры предвоенного и военного десятилетий. Наличие гедонистического ар-деко в СССР рассматривается как залог нормальности советской культуры и возможности вписать страну в панораму мировой истории XX в. не на правах изгоя.

Эта концепция отличается от описанной выше, в которой, напротив, форсируется тема уникальности пути, пройденного советским искусством середины прошлого столетия. В 2002 г. Татьяна Малинина защитила докторскую диссертацию на тему «Стиль Ар Деко [sic!]: истоки, региональные варианты, особенности эволюции»; три года спустя вышла основанная на этой работе книга. Поскольку в западной историографии тема ар-деко в Европе и за океаном была уже неплохо освещена, новизна работы Малининой состояла именно в обнаружении советской версии стиля. Впрочем, и в диссертации, и в книге осторожно говорилось об «отечественном аналоге Ар Деко», который все же не растворяется в мировом потоке и требует применения уклончивых эвфемизмов вроде «диалога авангарда и классики» [Малинина 2005: 228 и след.]. Отсутствие в работе Малининой полноценного заключения и четкого вывода сигнализирует об открытом состоянии вопроса, ответ на который в конечном счете слишком зависит от политических установок конкретного автора.

Не исключено, что очевидное присутствие в проектах и реализациях советских архитекторов 1930-х годов форм ар-деко имеет достаточно простое объяснение, связанное с необходимостью конструировать респектабельный имидж страны для внешнего зрителя. Тему параллельного существования в сталинском СССР архитектуры «для внутреннего и наружного потребления» подробно анализировал в своей статье Вадим Басс, акцентируя контраст между визуальной риторикой советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке и ансамбля ВСХВ, имевших различного адресата [Басс 2016a].

³ Ср. с пассажем из публикации о сталинской архитектуре одного из региональных промышленных центров, где оказались собраны едва ли не все варианты ее наименования: «Это архитектурное наследие относится к “стилю Победы”, а точнее к советскому неоклассицизму послевоенных лет. Такой стиль в архитектуре часто называют “сталинским ампиром”» [Орельская 2015: 4-я с. обложки].

⁴ См., например: [Багина и др. 2019].

Отмечая эти различия, нужно подчеркнуть, что распространение «американизма» в архитектуре сталинской эпохи и потребность в репрезентации СССР за рубежом были сложно взаимосвязаны. Если обращение к грандиозному «стилю небоскребов» в утвержденном проекте Дворца Советов Бориса Иофана, Владимира Шуко и Владимира Гельфрейха (1932) легко связать с тем, что Вадим Басс называет искусством фальстарта — экспрессией «преждевременного триумфа, предшествующего трагедии новой войны» [Басс 2016а: 85], то подражание другой версии ар-деко, стримлайну, в интерьере станции метро «Маяковская» Алексея Душкина (1936–1938) могло означать желание вписаться в определенную художественную конъюнктуру, дать пример «американского на советский лад», коль скоро это «американское» признано самым передовым в технико-технологическом плане⁵. Во всяком случае, эта станция, представленная в Нью-Йорке в виде полноразмерной копии одной из секций перронного зала, снискала успех у публики и даже удостоилась премии [Душкина 2004: 75].

Вопрос об отношении архитектурного процесса в СССР 1930–1950-х годов к мировому решается не только выявлением формальных «пересечений» с буржуазной модой (часто — буквального подражания ей), но и штудированием роли иностранных специалистов в советской архитектуре и градостроительстве, а также изучением международных связей Союза советских архитекторов, который олицетворял государственную монополию в сфере зодчества. Этим аспектам посвящены работы Евгении Конышевой [2023] и Ксении Малич [2024].

Диссоциация

В 2007 г. в двух московских издательствах увидели свет сразу две книги Дмитрия Хмельницкого, которые допустимо считать версиями, по сути, одного труда: «Зодчий Сталин» и «Архитектура Сталина» [Хмельницкий 2007а; 2007б]. Хотя сам исследователь отрицал какую-либо предвзятость со своей стороны, говоря даже об отсутствии у него исходной концепции [Хмельницкий 2009], названия книг хорошо обозначают ракурс, в котором им рассматривается советская архитектура 1930–1950-х годов: как буквально сталинская, сформированная исключительно механизмом государственной цензуры, первоисточником которой являлась фигура вождя. Заочно полемизируя с Игорем Голомштоком, поставившим в свое время советский материал в глобальный контекст художественного производства тоталитарных режимов [Голомшток 1994], Хмельницкий подчеркивает уникальность сложившейся в СССР ситуации полного подчинения архитекторов партийному диктату, результатом чего являются

⁵ Ср. со словами архитектора Владимира Шуко: «Америка может много дать нашим архитекторам в отношении строительной техники, умения пользоваться строительными материалами и вообще в отношении смелых решений архитектурных проблем» [Шуко 1935: 19–20].

крушение всякого профессионализма, абсурдность и даже безумность проектов.

Столь экспрессивные оценки работ советских зодчих у Хмельницкого проистекают в том числе из субъективных вкусовых установок. Однако за этой риторикой нельзя не увидеть целой традиции контрастного противопоставления 1930-х годов предыдущему десятилетию, ярким документом которой стала книга Владимира Паперного «Культура Два». Опубликованная впервые за рубежом в середине 1980-х, она совершенно не походила на советские тексты об архитектуре первых пятилеток, поскольку вместо привычного панегирика содержала остроумное, пропитанное иронией описание социокультурной девиации.

Но фактически одновременно с этой точкой зрения на сталинскую культуру возникла и альтернативная — не в смысле апологии этой культуры, а в плане описания ее отношений с предыдущей эпохой как более сложных и неоднозначных. Эта позиция сформулирована Борисом Гройсом, который прослеживает сильную преемственность между проектами авангарда и сталинского соцреализма [Гройс 2023: 26–27]. Правда, в разговоре об архитектуре приходится иметь дело в том числе с конкретными формальными признаками стиля, нарастанием роли декора и хорошо считываемым нагнетанием монументальности зданий. Эти метаморфозы, напрямую вызванные официальной установкой на освоение классического наследия, свидетельствуют о трансформации профессионального мышления советских архитекторов, ставших объектами «перевоспитания» со стороны власти. Однако простой констатации вторжения государства в творческую сферу, закрепленного постановлением Политбюро от 23 апреля 1932 г. [Постановление 1932], сегодня недостаточно. Вопреки декларациям, разрыв никогда не бывает полным.

Выявление тонких связей там, где на первый взгляд пролегает жесткий водораздел, является одной из актуальных задач изучения советской архитектуры, или, шире, архитектуры XX в., поскольку речь идет не только о поколениях и конкретных лицах, но и о странах и регионах. Важным шагом в преодолении «макроисторического» подхода к интерпретации архитектурного процесса в СССР 1930-х годов стала защищенная в 2009 г. диссертация Александры Селивановой, которая десять лет спустя была издана в виде монографии [Селиванова 2019].

Раскрывая историческое содержание периода установления государственного контроля в архитектуре, Селиванова фокусирует внимание на попытках относительно свободного творчества вчерашних конструктивистов в условиях, когда «противостояние творческих позиций эпохи авангарда сменилось противостоянием двух лагерей: архитекторов-профессионалов и “партийцев”» [Селиванова 2019: 302]. На долю опытных мастеров ложилась обязанность «перевести на язык профессии “наказы” власти, высказанные в виде внеархитектурных примитивов и абстракций (“радостная”, “бодрая”, “красивая”, “правдивая”, “человечная”, “целестремленная” архитектура)» [Там же: 303]. Отойдя от чисто позитивист-

ского ракурса обсуждения архитектуры, Селиванова показала, что за порой неуклюжими попытками искусственно снабдить модернистские здания карнизами, порталами и барельефами скрывалась драма конкретных людей, пытавшихся рационализировать происходящее в продолжавшихся по инерции теоретических дискуссиях.

Общий вектор «перевоспитания» советских зодчих предполагал свертывание таких обсуждений или, во всяком случае, перевод их в плоскость политической демагогии [Паперный 2007: 211 и след.]. Велик соблазн описать сложившуюся в 1930-е атмосферу внутри профессиональной корпорации как своего рода антимир или театр абсурда, однако здесь важно избежать упрощений и генерализации. Для этого полезно проанализировать частные сюжеты, фактура которых может противоречить господствующему нарративу. Благодаря своему бэкграунду исследователя петербургской неоклассики начала XX в. уже упомянутый Вадим Басс имеет возможность рассматривать материал сталинского периода в прочной связи с предыдущими десятилетиями, и в этой перспективе видно, например, как теоретическое и педагогическое наследие рационалистов из АСНОВА, оформленное в виде канонического учебника по композиции, влияло на советское архитектурное образование последующего времени. В своей статье исследователь задается вопросами,

...как предложенная модернистами наукообразная дисциплина оказалась фактически единственной общеразделяемой отечественными архитекторами системой знания, главным инструментом мышления о собственном предмете, едва ли не заменой архитектурной теории? <...> Какое место категории и ценности, восходящие к модернистской композиционной пропедевтике, заняли в кругу профессиональных знаний зодчего и в архитектурном дискурсе и почему? Почему, наконец, советские архитекторы постепенно утратили интерес к гуманитарным дисциплинам и философии и какие последствия это имело для профессии и отрасли? [Басс 2016b: 17–18].

Разумеется, ни о каком явном присутствии пропедевтического курса, разработанного во ВХУТЕМАСе, в архитектурной школе 1930–1950-х годов, речи идти не могло; его полноценная рецепция пришлось уже на период оттепели. Однако в латентном, закамуфлированном виде наследие модернистов не просто сказывалось, но формировало стержень архитектурного знания в СССР, содержа свободные от идеологических спекуляций критерии для суждений как о современной, так и об исторической архитектуре [Басс 2016b: 32–33].

Одним из главных мифов об архитектуре сталинского периода является представление о полной эффективности пресловутого «перевоспитания» зодчих. Здесь можно увидеть примечательный консенсус между апологетами Сталина как идеального менеджера, твердой рукой достигавшего безукоризненной исполнительской дисциплины и порядка, и их оппонентами, оценивающими такое всевластие негативно, но признающими

его как исторический факт. Между тем возможность жесткого манипулирования культурой «сверху» безотносительно готовности потенциальных исполнителей понять и принять приказ еще три десятка лет тому назад была подвергнута критике в статье Сергея Кавтарадзе: «...прежде чем такой приказ прозвучит, он должен быть “разрешен” самой культурой эпохи, совокупным сознанием общества» [Кавтарадзе 1990: 4].

С другой стороны, сегодня мы имеем фактические свидетельства того, как непредсказуемо преломлялись властные импульсы в профессиональной среде 1930-х годов. Проведенный Юлией Старостенко анализ архивных материалов, связанных с подготовкой Генерального плана реконструкции Москвы 1935 г., убедительно показывает, что многочисленные постановления и реорганизации проектного дела в столице СССР отнюдь не обеспечивали планомерности творческого процесса и прогнозируемости его результатов. Как отмечает исследователь, «...напряжение между властью и архитекторами возникало не только и не столько в связи с поисками “правильного” стиля советской архитектуры, сколько с гораздо более прагматичными аспектами их деятельности» [Старостенко 2023: 158]. При этом власть, выступая в роли заказчика, рассматривала архитекторов как препятствие осуществлению амбициозных управленческих замыслов.

В поисках человека

В конце прошлого столетия вышли в свет ставшие хрестоматийными работы Евгения Добренко «Формовка советского читателя» [Добренко 1997] и «Формовка советского писателя» [Добренко 1999]. Исследования с названием «Формовка советского архитектора» не существует, хотя авторы, писавшие о сталинском периоде, неизбежно этой темы касались (см. работы Владимира Паперного, Александры Селивановой, Дмитрия Хмельницкого и др.). С долей иронии можно сказать, что первым советским «архитектором», выкованным тридцатыми годами, стал искусствовед и литератор Давид Аркин, подписавший криптонимом *Архитектор* в 1936 г. разгромный памфлет, опубликованный в газете «Правда» и направленный против модернистов и лично Константина Мельникова.

Книга об Аркине, написанная Николаем Молоком, который имел возможность разбирать личный архив своего героя [Молок 2023]⁶, заполняет важную лакуну. Дело в том, что именно Аркин претендует на роль необходимого звена в механизме поворота советской архитектуры 1930-х годов к освоению классики и историзму. Еще Паперный обратил внимание в своей книге на странную фигуру умолчания в обсуждении этого поворота советскими искусствоведами: причины его представлялись странными, почти мистическими. Свидетельства современников, надо сказать, этому способствовали, транслируя слухи начала 1930-х:

⁶ См. рецензию на книгу в этом номере журнала. — *Примеч. ред.*

Интересные рассказы И[вана] Вл[адиславовича Жолтовского] (не шаржированные ли?) о повороте к классицизму. Каганович: «Я пролетарий, сапожник, жил в Вене, люблю искусство; Молотов любитель красивых вещей, Италии, коллекционер» <...> Ал[ексею] Толстому приказано написать статью <...> про классицизм (Щусев: «вот мерзавец, а вчера ругал мне классику») [Лансере 2008: 625, 626].

Хотя точки над *i* в этой истории еще не расставлены и простор для исследования по-прежнему огромен, можно уверенно говорить о наличии у доктрины освоения классики вполне серьезной теоретической подоплеки. Упомянутая в приведенной цитате из дневника художника Евгения Лансере (1875—1946) статья Алексея Толстого — это программный текст под названием «Поиски монументальности», опубликованный в 1932 г. и давно разобранный на цитаты. Например:

Классическая архитектура (Рим) ближе всех нам <...>. Ее открытость, назначение — для масс, импульс грандиозности, — не грозящей и подавляющей, но как выражение всемирности, все это не может не быть заимствовано нашим строительством [Толстой 1932].

В своей книге Николай Молок приводит веские аргументы в пользу того, что знаменитая статья Толстого была инспирирована чуть более ранней публикацией Аркина, которого и надлежит считать действительным автором поворота к классике [Молок 2023: 60—62]. Удивительной кажется в этой связи только невнятность контуров идеала. Если бы он был порождением дилетантского воображения партийных начальников, это было бы объяснимо. Но то, почему профессиональный искусствовед, выступая в роли идеолога советской архитектуры, ограничился погромом сторонников современного движения и довольно общими соображениями о применении исторического наследия, требует дополнительного осмысления.

Если же задаться целью найти фигуру, которая ярче всех воплотила образ сталинского архитектора, то таковой, несомненно, окажется Борис Иофан. Речь не идет о позиции в служебной иерархии, числе учеников или количестве осуществленных работ. Однако именно этот мастер прочно ассоциируется не только с принятым к реализации проектом Дворца Советов в Москве, но в целом с той рубрикой советского зодчества 1930-х годов, которую Вадим Басс назвал «архитектурой для наружного употребления», включая прогремевший павильон СССР на Всемирной выставке в Париже 1937 г., увенчанный скульптурной группой Веры Мухиной. Иофану довелось (или удалось) создать образы-символы целой страны. Собственно говоря, эта мысль не нова: некоторые черты Иофана явственно узнаются в одном из героев романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата»:

Обученный в Италии, объездивший много стран и знакомый с современной западной архитектурой, Архитектор возглавлял школу, опирающуюся на классическое наследие, но с учетом современных, прежде всего высотных конструкций [Рыбаков 1998: 317].

Вместе с тем жизнь и творчество Иофана в советский период нечасто пользовались вниманием историков архитектуры. Долгое время единственной специальной работой об этом мастере оставалась книга Исаака Эйгеля, проработавшего с Иофаном более сорока лет в качестве секретаря [Эйгель 1978]. Тем более примечательным видится всплеск интереса к этому архитектору в последнюю пару десятилетий, в том числе со стороны зарубежных исследователей [Sudjic 2022]. Международная слава Иофана, связанная с опытом жизни и работы в Италии, а также с амбициозностью проектов, обеспечила ему неординарное положение среди коллег еще в 1930-е годы. А в современном контексте он оказался главным корифеем советского ар-деко, вокруг которого, как уже говорилось, существует живая дискуссия.

Сегодня мы имеем ряд монографий об Иофане, которые вышли в последние пять лет. Значительного интереса заслуживает книга Владимира Седова, основанная на анализе корпуса авторской графики мастера из собрания архитектора Сергея Чобана [Седов 2022]. Книга, вышедшая за авторством Марии Костюк [2019], на деле представляет собой сборник текстов нескольких авторов, включая итальянского мэтра Алессандро Де Маджистриса. Его же статьей открывается и коллективный труд, в который вошли материалы прошедшей осенью 2021 г. международной конференции, приуроченной к 130-летию Иофана, но задуманной с целью рассмотреть его творчество в широком контексте профессиональных проблем 1920—1940-х годов, таких как взаимоотношения архитектора и тоталитарной власти, контакты советских архитекторов с зарубежными коллегами, рецепция формальных идей и стилевые влияния [Вяземцева и др. 2023].

Думается, что компаративистский ракурс, обеспеченный участием исследователей из разных стран с темами, посвященными архитектурно-градостроительной политике в СССР, Третьем Рейхе и фашистской Италии, позволил увидеть Иофана в несколько новом свете. Но резюмировать вполне ревизионистское восприятие этого мастера и его наследия, пожалуй, удалось Владимиру Седову:

Архитектор Иофан не придумал новой формы, не изобрел нового стиля. Он не принадлежал к тем, кто задумывается о содержании и философском смысле архитектурной оболочки. Он брал форму извне, уже готовую <...> разглядывая и оценивая постройки Бориса Иофана сегодня, мы должны помнить о принадлежности автора к коммунистической идеологии <...> Сила личной веры Иофана была велика, а потому его творчество было способно снабжать режим, вождя, революцию — сложными композициями, этой верой одухотворенными [Седов 2022: 222—224].

Таким образом, Иофан как бы соединял в себе ипостаси профессионального архитектора и «партийца», противопоставленные А. Селивановой, и это парадоксальное единение, вероятно, стоит считать причиной его уникальной репутации и судьбы.

Существенно подчеркнуть, что экспрессивная творческая манера Иофана, оказавшаяся почти идеальной для экспорта левой идеологии, не стала мейнстримом в советской архитектуре 1930-х и последующих годов. Все-таки императив освоения исторического наследия (в отвлеченно-классической или национальных версиях) доминировал, а потому наиболее влиятельными оказались мастера старшего поколения — Иван Жолтовский и Алексей Шусев, полуторавековые юбилеи которых пришлось соответственно на 2017 и 2023 гг., что закономерно вызвало рост интереса к этим фигурам. Шусеву была посвящена целая серия выставочных проектов, сопровождавшихся печатными каталогами [Карпова 2022; Аввакумов и др. 2023; Шашкова и др. 2023].

Алексей Шусев достиг вершин профессии, удостоился четырех Сталинских премий, много построил, успел проявить себя в музейном деле и объективно был крупным и разносторонним художником. Образ его в реалиях советского времени был изрядно мифологизирован; в частности, преуменьшалось значение его дореволюционных произведений, оставались в тени некоторые биографические подробности вроде дворянского происхождения [Колузаков 2017]. Как представляется, гранью деятельности Шусева после 1917 г., которая пока лишь слегка была затронута исследователями, являлась энергичная пропаганда (и словом, и делом) обращения к национально-выразительным формам, включая «русский стиль» [Масиель Санчес 2011; Печёнкин 2023]. Феномен «руссоцентризма» (sic; в оригинале — *National Bolshevism*) в сталинской культуре стал темой монографии Дэвида Бранденбергера, но материал архитектуры им был практически не задействован [Бранденбергер 2017].

Ситуацию с Иваном Жолтовским стоит считать во многом сходной, но в силу еще более глубокой мистификации образа «непримиримого классика и палладианца, колдующего над пыльными трактатами далекого прошлого»⁷, открытия, сделанные в ходе архивных разысканий, могут быть более сенсационными. Удалось выяснить, например, что Жолтовский в действительности не был переводчиком трактата Андреа Палладио, вопреки указанию на титульном листе издания Всесоюзной академии архитектуры [Печёнкин, Шурыгина 2018]. Интересно понять, насколько продуктивным могло бы оказаться изучение творческих судеб советских и зарубежных архитекторов в сравнительной перспективе. Взяв для примера того же Жолтовского и Френка Ллойда Райта, которые были сверстниками и прожили одинаковое число лет (1867–1959), можно увидеть, что они следовали совершенно различным подходам к профессии: «Жолтовский не был *современным архитектором* и, по всей видимости,

⁷ Габричевский А. Г. Иван Владиславович Жолтовский как теоретик архитектуры (опыт характеристики). М., 1946. Цит. по: [Хан-Магомедов 2010а: 303].

не стремился им стать» [Печёнкин, Шурыгина 2023: 101]. Субъективное здесь превалировало над объективным, но в случае других мастеров «сталинской» архитектуры это могло работать иначе.

Некоторые итоги

В фокус внимания исследователей ожидаемо попадают прежде всего «маршалы» архитектуры сталинского периода, творческие биографии которых, как оказалось, содержат немало белых пятен. Но как насчет менее приметных фигур, в том числе тех, чья жизненная траектория пересеклась с трагедией Большого террора? Сложно не согласиться с Дмитрием Хмельницким:

Архитекторов гибло относительно меньше, чем, скажем, писателей, но гарантий выжить не было ни у кого. <...> Пока невозможно ответить на вопрос, почему погиб в лагере первый ректор Академии архитектуры Крюков, а Щусев или Веснины — выжили. Но это тоже — история архитектуры [Хмельницкий 2009].

Важным шагом к освоению этой темы стала книга казахстанского исследователя Елизаветы Малиновской под откровенным даже для 2018 г. названием «Репрессированная архитектура», которая затронула комплекс проблем, находившихся вне поля зрения историков советской архитектуры: это не только судьбы зодчих, пострадавших в годы репрессий, но и политика центра в отношении национальных окраин [Малиновская 2016; 2018]. Описание материала советской архитектуры после 1920-х годов с точки зрения постколониальной теории, думается, вполне резонно: в сталинское время Москва утвердилась в роли метрополии, которая диктовала республикам Союза в том числе и архитектурные вкусы. Фактически рефлексия архитектурного наследия 1930–1950-х годов сегодня перестала быть однозначно комплиментарной; на смену благостному нарративу советских учебников выдвигаются альтернативные, фокусирующие внимание на насильственном характере водворения «большого стиля» [Смоленская 2023] или ориенталистской природе проектов, производившихся для республик Кавказа и Средней Азии [Chukhovich 2021].

Предпринятый в данной статье краткий обзор позволяет сделать следующие выводы. Исследовательский инструментарий архитектуроведов по-прежнему почти исчерпывается формальным анализом и биографическим методом, что предопределено традицией. Практика показывает, однако, достаточную эффективность такого эмпирического подхода, поскольку объем необработанного материала довольно велик. Говоря совсем просто, есть проблема нечитанных архивных папок.

Наконец, в двадцатые годы нового столетия невозможно говорить о деполитизации и деидеологизации историко-архитектурного дискурса, и применительно к советской архитектуре 1930–1950-х годов это особенно видно. Призывы ограничить разговор об архитектурном наследии сталинской эпохи обсуждением формально-композиционных особен-

ностей зданий или художественного качества декора нередко выражают весьма определенную политическую позицию и намерение умалчивать о неудобных аспектах прошлого. Для того чтобы любованию формой было избавлено от внехудожественных коннотаций, видимо, требуется более внушительная историческая дистанция. Последняя, впрочем, лишила бы нас ощущения живой связи с героями и очевидцами исследуемой эпохи, которая запечатлелась в массиве пока еще доступных для анализа документов.

Источники

- Лансере 2008 — Лансере Е. Дневники: [В 3 кн.] / Предисл. и сост. В. Бялик. Кн. 2. М.: Искусство-XXI век, 2008.
- Постановление 1932 — Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». 23 апреля 1932 г. // Партийное строительство. 1932. № 9. С. 62.
- Презентация 2024 — Презентация коллективной монографии «Победа — стиль эпохи. Академический взгляд» в РАХ [13 мая 2024 г.] // Российская академия художеств. [2024]. URL: <https://rah.ru/news/detail.php?ID=60399>.
- Рыбаков 1998 — Рыбаков А. Н. Дети Арбата: Трилогия. Кн. 1: Дети Арбата: Роман. М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998.
- Толстой 1932 — Толстой А. Н. Поиски монументальности // Известия. 1932. 27 февр. № 57 (4824). С. 2.
- Chukhovich 2021 — Chukhovich B. О. театре оперы и балета имени Навои // Письма о Ташкенте. 2021. 27 дек. URL: <https://mytashkent.uz/2021/12/27/o-teatre-opery-i-baleta-imeni-navoi/>.

Литература

- Аввакумов и др. 2023 — Сочинилъ архитекторъ Щусевъ / Авт.-сост. Ю. И. Аввакумов, М. В. Евстратова, С. В. Колузаков. М.: Бослен, 2023.
- Астраханцева 2010 — Астраханцева Т. Л. Стиль великой эпохи // Победа. Стиль эпохи. 1945—1955: выставка 7 мая — 15 сентября 2010 года: Альбом-каталог / [Сост. и науч. ред. Т. Л. Астраханцева и др.]. М.: Арсис-Дизайн, 2010. С. 9—22.
- Астраханцева 2023 — Победа — стиль эпохи: Академический взгляд / Отв. ред. и сост. Т. Л. Астраханцева. М.: Союз Дизайн, 2023.
- Багина и др. 2019 — Авангард, ар-деко, эклектика / [А. Бархин, М. Белов, А. Бронвицкая и др.]; Подгот. текста Е. Багина, П. Капустин // Проект Байкал. № 62. 2019. С. 30—36.
- Басс 2016a — Басс В. Г. Архитектура для внутреннего и наружного употребления: советский павильон на нью-йоркской выставке 1939 г. и ансамбль ВСХВ // Шаги / Steps. Т. 2. № 1. 2016. С. 82—102.
- Басс 2016b — Басс В. Формальный дискурс как последнее прибежище советского архитектора // Новое литературное обозрение. 2016. № 1 (137). С. 16—38.
- Бранденбергер 2017 — Бранденбергер Д. Л. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956) / [Авториз. пер. с англ. Н. Г. Алешиной и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2017.

- Вяземцева и др. 2023 — Борис Иофан. Пути архитектуры 1920—1940-х годов: К 130-летию архитектора / Авт.-сост. А. Г. Вяземцева (отв. сост.), С. Гесслер, К. А. Малич, И. Е. Печёнкин. М.: Кучково поле Музеон, 2023.
- Голомшток 1994 — *Голомшток И.* Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994.
- Гройс 2023 — *Гройс Б.* Gesamtkunstwerk Сталин. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.
- Добренко 1997 — *Добренко Е.* Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: [Академ. проект], 1997.
- Добренко 1999 — *Добренко Е.* Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академ. проект, 1999.
- Душкина 2004 — *Душкина Т. Д.* Воспоминания о жизни и творчестве архитектора Алексея Николаевича Душкина // Жизнь архитектора Душкина. 1904—1977: Книга воспоминаний / Публ., сост. и науч. ред. Н. О. Душкиной. М.: А-Фонд, 2004. С. 21—216.
- Ерофалов-Пилипчак 2010 — *Ерофалов-Пилипчак Б. Л.* Архитектура советского Киева. Киев: Изд. дом А+С, 2010.
- Кавтарадзе 1990 — *Кавтарадзе С.* Хронотоп культуры сталинизма // Архитектура и строительство Москвы. 1990. № 11. С. 3—7.
- Карпова 2022 — Алексей Шусев. Архитектор, художник, директор: К 150-летию со дня рождения / [Отв. ред. Т. Л. Карпова]. М.: [Гос. Третьяковская галерея], 2022.
- Колузаков 2017 — Сергей Колузаков: Многое о Шусеве в советское время прихордилося замалчивать / Интервьюер А. Спивак // Третьяковская галерея. [2017]. URL: <https://www.tg-m.ru/news/sergei-koluzakov-mnogoe-o-shchuseve-v-sovetskoe-vremya-prikhodilos-zamalchivat>.
- Коньшева 2023 — *Коньшева Е. В.* Международные связи Союза советских архитекторов в 1930-е годы: профессиональный диалог под государственным надзором // Борис Иофан. Пути архитектуры 1920—1940-х годов: К 130-летию архитектора / Авт.-сост. А. Г. Вяземцева (отв. сост.), С. Гесслер, К. А. Малич, И. Е. Печёнкин. М.: Кучково поле Музеон, 2023. С. 297—310.
- Косенкова 2010 — *Косенкова Ю. Л.* От составителя // Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М.: Ком-Книга, 2010. С. 7—8.
- Костюк 2019 — *Костюк М.* Борис Иофан. До и после Дворца Советов. Берлин: DOM publishers, 2019. = *Kostyuk M.* Boris Iofan. Architect behind the *Palace of the Soviets*. Berlin: DOM publishers, 2019.
- Малинина 2005 — *Малинина Т. Г.* Формула стиля: Ар Деко: истоки, региональные варианты, особенности эволюции. М.: Пинакотека, 2005.
- Малиновская 2016 — *Малиновская Е. Г.* «Репрессированная архитектура» — история и проблематика изучения, судьбы архитекторов (Г. М. Людвиг, Л. Н. Мейльман) // Academia. Архитектура и строительство. 2016. № 4. С. 55—64.
- Малиновская 2018 — *Малиновская Е. Г.* «Репрессированная архитектура» — сталинские новостройки, творчество и судьбы архитекторов. Алматы: ARK Gallery, 2018.
- Малич 2024 — *Малич К.* «Пришел, увидел — побежден!» Советские и британские архитекторы в 1930—1960-е годы. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2024.
- Масиель Санчес 2011 — *Масиель Санчес Л. К.* Ташкентский оперный театр. «Национальное» в творчестве А. В. Шусева // Предмет архитектуры: Искусство без границ / Отв. ред. и сост. И. Н. Слюнькова. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 241—246.

- Молок 2023 — *Молок Н.* Давид Аркин: «идеолог космополитизма» в архитектуре. М.: Нов. лит. обозрение, 2023.
- Орельская 2015 — *Орельская О. В.* «Стиль Победы» в архитектуре города Горького. Нижний Новгород: Кварц, 2015.
- Паперный 2007 — *Паперный В.* Культура Два. М.: Нов. лит. обозрение, 2007.
- Печёнкин 2023 — *Печёнкин И.* «Русификация» советской архитектуры в 1930–1940-х гг.: идеология, теория, практика // Российская история. 2023. № 2. С. 161–171. <https://doi.org/10.31857/S2949124X23020128>.
- Печёнкин, Шурыгина 2018 — *Печёнкин И., Шурыгина О.* Палладио по-русски. Новые данные о переводе «Четырёх книг об архитектуре» в начале XX века // Искусствознание. 2018. № 3. С. 238–263.
- Печёнкин, Шурыгина 2023 — *Печёнкин И., Шурыгина О.* Иван Жолтовский: Опыт жизнеописания советского архитектора. М.: Нов. лит. обозрение, 2023.
- Ревзин 2008 — *Ревзин Г.* Сдвиг по Хмельницкому // Проект Классика. № XXIII–MMVIII [= № 23. 2008]. С. 186–188.
- Седов 2022 — *Седов Вл. В.* Архитектор Борис Иофан. М.: Кучково поле Музеон, 2022.
- Селиванова 2019 — *Селиванова А. Н.* Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. М.: БуксМАрт, 2019.
- Смоленская 2023 — *Смоленская С. А.* Между модернизмом и соцреализмом: творческие судьбы украинских архитекторов // Борис Иофан. Пути архитектуры 1920–1940-х годов: К 130-летию архитектора / Авт.-сост. А. Г. Вяземцева (отв. сост.), С. Гесслер, К. А. Малич, И. Е. Печёнкин. М.: Кучково поле Музеон, 2023. С. 182–195.
- Старостенко 2023 — *Старостенко Ю. Д.* Вопросы взаимодействия архитекторов и власти на материалах преобразований проектного дела в Москве в 1930-е годы // Борис Иофан. Пути архитектуры 1920–1940-х годов: К 130-летию архитектора / Авт.-сост. А. Г. Вяземцева (отв. сост.), С. Гесслер, К. А. Малич, И. Е. Печёнкин. М.: Кучково поле Музеон, 2023. С. 148–158.
- Хан-Магомедов 1996 — *Хан-Магомедов С. О.* Архитектура советского авангарда: В 2 кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996.
- Хан-Магомедов 2010a — *Хан-Магомедов С. О.* Иван Жолтовский. М.: С. Э. Гордеев, 2010.
- Хан-Магомедов 2010b — *Хан-Магомедов С. О.* «Сталинский ампи́р»: проблемы, течения, мастера // Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М.: КомКнига, 2010. С. 10–24.
- Хан-Магомедов 2011 — *Хан-Магомедов С. О.* Иван Фомин. М.: С. Э. Гордеев, 2011.
- Хмельницкий 2007a — *Хмельницкий Д.* Архитектура Сталина: Психология и стиль. М.: Прогресс-Традиция, 2007.
- Хмельницкий 2007b — *Хмельницкий Д.* Зодчий Сталин. М.: Нов. лит. обозрение, 2007.
- Хмельницкий 2009 — *Хмельницкий Д.* Ворованный воздух: о пользе архитектурно-исторических дискуссий // Проект Классика. № XXVIII–MMIX [= № 28. 2009]. [Цит. по электрон. републ.] URL: http://projectclassica.ru/discus/28_2009/28_discus_01.htm.
- Шашкова и др. 2023 — *Шусев 150: Каталог выставки / Сост. Н. О. Шашкова, К. В. Смирнова, Ю. В. Ратомская, А. А. Оксенюк; Науч. ред. Ю. Д. Старостенко.* М.: Гос. науч.-исслед. музей архитектуры им. А. В. Щусева; Кучково поле Музеон, 2023.
- Широчин 2020 — *Широчин С.* Архитектура межвоенного Киева. Несуществующий город. Нью-Йорк: Алмаз, 2020.
- Щуко 1935 — *Щуко В. А.* Творческий отчет // Архитектура СССР. 1935. № 6. С. 16–21.

Эйгель 1978 — *Эйгель И. Ю.* Борис Иофан. М.: Стройиздат, 1978.

Sudjic 2022 — *Sudjic D.* Stalin's architect: Power and survival in Moscow. London: Thames and Hudson, 2022.

References

- Astrakhantseva, T. L. (2010). Stil' velikoi epokhi [Style of the Great Epoch]. In T. L. Astrakhantseva (Ed.) *Pobeda. Stil' epokhi. 1945–1955: vystavka 7 maia — 15 sentiabria 2010 goda: Al'bom-katalog* (pp. 9–22). Arsiz-Dizain. (In Russian).
- Astrakhantseva, T. L. (Ed.) (2023). *Pobeda — stil' epokhi: Akademicheskii vzgliad* [Victory as the style of the era: Academic view]. Soiuz Dizain. (In Russian).
- Avvakumov, Iu. I., Evstratova, M. V., & Koluzakov, S. V. (2023). *Sochinil' arkhitektor "Shchusev"* [Architect Shchusev composed]. Boslen. (In Russian).
- Bagina, E., & Kapustin, P. (Eds.). (2019). Avangard, ar-deko, eklektika: Diskussionnyi klub PB [Avant-Garde, Art Deco, Eclecticism]. *Proekt Baikal*, 62, 30–36. (In Russian).
- Bass, V. G. (2016). Arkhitektura dlia vnutrennego i naruzhnogo upotrebleniia: sovetskii pavil'on na n'iu-iorskoi vystavke 1939 g. i ansambl' VSKhV [Architecture for internal and external use: The Soviet pavilion at the 1939 New York World's Fair and the All-Union Agricultural Exhibition]. *Shagi /Steps*, 2(1), 82–102. (In Russian).
- Bass, V. (2016). Formal'nyi diskurs kak poslednee pribezhishche sovetskogo arkhitekora [The discourse of form as the last refuge of the Soviet architect]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016(1, no. 137), 16–38. (In Russian).
- Brandenberger, D. (2002). *National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931–1956*. Harvard Univ. Press.
- Dobrenko, E. (1997). *Formovka sovetskogo chitatelia: Sotsial'nye i esteticheskie predposylki reitsepii sovetskoi literatury* [The making of the state reader: Social and aesthetic contexts of the reception of Soviet literature]. Akademicheskii proekt. (In Russian).
- Dobrenko, E. (1999). *Formovka sovetskogo pisatel'ia: Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury* [The making of the state writer: Social and aesthetic origins of Soviet literary culture]. Akademicheskii proekt. (In Russian).
- Dushkina, T. D. (2004). Vospominaniia o zhizni i tvorchestve arkhitekora Alekseia Nikolaevicha Dushkina [Memories of the life and work of the architect Alexei Nikolaevich Dushkin]. In N. O. Dushkina (Ed.). *Zhizn' arkhitekora Dushkina. 1904–1977: Kniga vospominanii* (pp. 21–216). A-Fond. (In Russian).
- Erofalov-Pilipchak, B. L. (2010). *Arkhitektura sovetskogo Kiev*a [Architecture of Soviet Kyiv]. Izdatel'skii dom A+S. (In Russian).
- Eigel', I. Iu. (1978). *Boris Iofan* [Boris Iofan]. Stroizdat. (In Russian).
- Golomshtok, I. (1994). *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian art]. Galart. (In Russian).
- Grois, B. (2023). *Gesamtkunstwerk Stalin* [Gesamtkunstwerk Stalin]. Ad Marginem Press. (In Russian).
- Karpova, T. L. (Ed.) (2022). *Aleksei Shchusev. Arkhitektor, khudozhnik, direktor: K 150-letiiu so dnia rozhdeniia* [Alexei Shchusev: Architect, artist, director: For the 150-anniversary of his birth]. Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia galereia. (In Russian).
- Kavtaradze, S. (1990). Khronotop kul'tury stalinizma [Chronotope of the culture of Stalinism]. *Arkhitektura i stroitel'stvo Moskv*y. 1990(11), 3–7. (In Russian).
- Khan-Magomedov, S. O. (1996). *Arkhitektura sovetskogo avangarda* [Architecture of the Soviet Avant-garde] (Book 1). Stroizdat. (In Russian).
- Khan-Magomedov, S. O. (2010a). *Ivan Zholtovskii* [Ivan Zholtovsky]. S. E. Gordeev. (In Russian).

- Khan-Magomedov S. O. (2010b). “Stalinskii ampir”: problemy, techeniia, mastera [“Stalinist Imperial style”: its problems, trends and architects]. In Iu. L. Kosenkova (Ed.). *Arkhitektura stalinskoi epokhi: Opyt istoricheskogo osmysleniia* (pp. 10–24). KomKniga. (In Russian).
- Khan-Magomedov, S. O. (2011). *Ivan Fomin* [Ivan Fomin]. S. E. Gordeev. (In Russian).
- Khmel’nitskii, D. (2007a). *Arkhitektura Stalina: Psikhologiya i stil’* [Stalin’s architecture: Psychology and style]. Progress-Traditsiia. (In Russian).
- Khmel’nitskii, D. (2007b). *Zodchii Stalin* [Stalin the architect]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Khmel’nitskii, D. (2009). Vorovannyi vozdukh: o pol’ze arkhitekturno-istoricheskikh diskussii [Stolen air: on the benefits of architectural and historical discussions]. *Proekt Klassika*, 28. http://projectclassica.ru/discus/28_2009/28_discus_01.htm. (In Russian).
- [Koluzakov, S.] (2017). Sergei Koluzakov: Mnogoe o Shchuseve v sovetskoe vremia prikhodilos’ zamalchivat’ [Much about Shchusev was necessarily suppressed in the Soviet epoch suppressed] (A. Spivak, Interviewer). *Tret’iakovskaia galereia*. <https://www.tg-m.ru/news/sergei-koluzakov-mnogoe-o-shchuseve-v-sovetskoe-vremya-prikhodilos-zamalchivat>. (In Russian).
- Konysheva, E. V. (2023). Mezhdunarodnye sviazi Soiuza sovetskikh arkhitektorov v 1930-e gody: professional’nyi dialog pod gosudarstvennym nadzorom [International relations of the Union of Soviet Architects in the 1930s: Professional dialogue under state supervision]. In A. G. Vyazemtseva, S. Gessler, K. A. Malich, & I. E. Pechenkin (Eds.). *Boris Iofan. Puti arkhitektury 1920–1940-kh godov: K 130-letiiu arkhitektora* (pp. 297–310). Kuchkovo pole Muzeon. (In Russian).
- Kosenkova, Iu. L. (2010). Ot sostavitelia [Editorial note]. In Iu. L. Kosenkov (Ed.). *Arkhitektura stalinskoi epokhi: Opyt istoricheskogo osmysleniia* (pp. 7–8). (In Russian).
- Kostyuk, M. (2019). *Boris Iofan. Architect behind the Palace of the Soviets*. DOM publishers.
- Maciel Sanches, L. K. (2011). Tashkentskii opernyi teatr. “Natsional’noe” v tvorchestve A. V. Shchuseva [Tashkent Opera House. The “National” in the work of A. V. Shchusev]. In I. N. Sliun’kova (Ed.). *Predmet arkhitektury: Iskusstvo bez granits* (pp. 241–246). Progress-Traditsiia. (In Russian).
- Malich, K. (2024). “Prishel, uvidel — pobezhden!” Sovetskie i britanskii arkhitektory v 1930–1960-e gody [“I came, I saw, I was defeated!” Soviet and British architects in the 1930s–1960s]. Muzei sovremennogo iskusstva “Garazh”. (In Russian).
- Malinina, T. G. (2005). *Formula stilia: Ar Deko: istoki, regional’nye varianty, osobennosti evoliutsii* [Formula of style: Art Deco: origins, regional variations, features of evolution]. Pinakoteka. (In Russian).
- Malinovskaia, E. G. (2016). “Repressirovannaia arkhitektura” — istoriia i problematika izuchenii, sud’by arkhitektorov (G. M. Liudvig, L. N. Meil’man) [“Repressed architecture” — history and problems of study, fate of architects (G. M. Ludwig, L. N. Mailman)]. *Academia. Arkhitektura i stroitel’svo*, 2016(4), 55–64. (In Russian).
- Malinovskaia, E. G. (2018). “Repressirovannaia arkhitektura” — stalinskie novostroiki, tvorchestvo i sud’by arkhitektorov [“Repressed architecture”: Stalin’s new buildings, creativity and fate of architects]. ARK Gallery. (In Russian).
- Molok, N. (2023). *David Arkin: “ideolog kosmopolitizma” v arkhitekture* [David Arkin: “An ideologist of Cosmopolitanism” in the architecture]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Orel’skaia, O. V. (2015). “Stil’ Pobedy” v arkhitekture goroda Gor’kogo [Victory Style in the architecture of the city of Gorky]. Kvarts. (In Russian).
- Papernyi, V. (2007). *Kul’tura Dva* [Culture Two]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Pechenkin, I. (2023). “Rusifikatsiia” sovetskoi arkhitektury v 1930–1940-kh gg.: ideologiya, teoriia, praktika [Russification of the Soviet architecture in 1930 and 1940s: ideol-

- ogy, theory, practice]. *Rossiiskaia istoriia*. 2023(2), 161–171. <https://doi.org/10.31857/S2949124X23020128>. (In Russian).
- Pechenkin, I., & Shurygina, O. (2018). Palladio po-russki. Novye dannye o perevode “Chetyrekh knig ob arkhitekture” v nachale XX veka [Palladio in Russian. News on the translation of the “Four Books of Architecture” in the beginning of 20th century]. *Iskusstvoznanie*. 2018(3), 238–263. (In Russian).
- Pechenkin, I., & Shurygina, O. (2023). *Ivan Zholtovskii: Opyt zhizneopisaniia sovetskogo arkhitekтора* [Ivan Zholtovsky: An attempt at a biography of the Soviet architect]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Revzin, G. (2008). Sdvig po Khmel’nitskomu [Shift according to Khmel’nitsky]. *Proekt Klassika*, 23, 186–188. (In Russian).
- Sedov, V. V. (2022). *Arkhitekt Boris Iofan* [Boris Iofan, architect]. Kuchkovo pole Muzeon. (In Russian).
- Selivanova, A. N. (2019). *Postkonstruktivizm. Vlast’ i arkhitektura v 1930-e gody v SSSR* [Postconstructivism: Power and architecture in USSR of the 1930s]. BuksMArt. (In Russian).
- Shashkova, N. O. et al. (2023). *Shchusev 150: Katalog vystavki* [Shchusev 150: Exhibition catalog]. Gosudarstvennyi nauchno-issledovatel’skii muzei arkhitektury im. A. V. Shchuseva: Kuchkovo pole Muzeon. (In Russian).
- Shchuko, V. A. (1935). Tvorcheskii otchet [Report on creative work]. *Arkhitectura SSSR*, 1935(6), 16–21. (In Russian).
- Shirochin, S. (2020). *Arkhitectura mezhvoennogo Kieva. Nesushchestvuiushchii gorod* [Architecture of interwar Kyiv: Non-existent city]. Almaz. (In Russian).
- Smolenskaia, S. A. (2023). Mezhdru modernizmom i sotsrealizmom: tvorcheskie sud’by ukrainiskikh arkhitektorov [Between the Modernism and the Sotsial Realism: Artistic fate of Ukrainian architects]. In A. G. Vyazemtseva, S. Gessler, K. A. Malich, & I. E. Pechenkin (Eds.). *Boris Iofan. Puti arkhitektury 1920–1940-kh godov: K 130-letiiu arkhitekтора* (pp. 182–195). Kuchkovo pole Muzeon. (In Russian).
- Starostenko, Iu. D. (2023). Voprosy vzaimodeistviia arkhitektorov i vlasti na materialakh preobrazovaniia proektnogo dela v Moskve v 1930-e gody [Problems of interaction of architects and the authorities. Based on the materials of the reformation of urban planning in Moscow in the 1930s]. In A. G. Vyazemtseva, S. Gessler, K. A. Malich, & I. E. Pechenkin (Eds.). *Boris Iofan. Puti arkhitektury 1920–1940-kh godov: K 130-letiiu arkhitekтора* (pp. 148–158). Kuchkovo pole Muzeon. (In Russian).
- Sudjic, D. (2022). *Stalin’s architect: Power and survival in Moscow*. Thames and Hudson.
- Vyazemtseva, A. G., Gessler, S., Malich, K. A., & Pechenkin, I. E. (Eds.) (2023). *Boris Iofan. Puti arkhitektury 1920–1940-kh godov. K 130-letiiu arkhitekтора* [Boris Iofan. The paths of architecture of the 1920–1940s: For 130 Years of the Architect]. Kuchkovo pole Muzeon. (In Russian).

Информация об авторе

Илья Евгеньевич Печёнкин
кандидат искусствоведения
заведующий кафедрой истории
русского искусства, факультет
искусств, Российский
государственный гуманитарный
университет
Россия, 125047, Москва, Миусская пл.,
д. 6
✉ pech_archistory@mail.ru

Information about the author

Ilia Evgen’ecich Pechenkin
Cand. Sci. (Art History)
Head of the Department of Russian
Art History, Faculty of History of Art,
Russian State University
for the Humanities
Russia, 125047, Moscow,
Miusskaya Sq., 6
✉ pech_archistory@mail.ru